

ленные от соответствующих славянорусских букв, русские же буквы (например «ж»), если и использовал, то видоизменял их до неузнаваемости⁸⁶. А. А. Сидоров, напротив, утверждает, что «в основе начертаний пермских букв лежат начертания славянских букв, главным образом, уставного и, отчасти, полууставного письма». Полная несогласованность обеих точек зрения свидетельствует об их спорности и о слабой разработанности вопросов, связанных с историей стефаковского письма. Концепция Сидорова⁸⁷ все же представляется более близкой к истине уже по чисто историческим соображениям. Интересны также догадки этого автора о диалектологических особенностях языка памятников пермской письменности, обнаруживающего ряд специфических черт сходства с современными северными диалектами коми (и в первую очередь с удорским)⁸⁸. Археологические и исторические данные заставляют предполагать, что именно Удора была первоначальным экономическим и культурным центром северной (пермской) группы племен коми⁸⁹.

Первый выпуск «Советского финноугроведения» заканчивается четырьмя статьями, посвященными обским уграм и ненцам. Две из этих статей (А. Н. Баладжина и Н. М. Терещенко) специально лингвистические, две другие (С. В. Бахрушина и А. И. Мурзиной) написаны историками⁹⁰. Содержательный доклад С. В. Бахрушина представляет собой краткое изложение его концепции социального развития хантов и манси, подробно развернутой в капитальном труде «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.»⁹¹. Как и в этой книге, С. В. Бахрушин в своем выступлении на Финноугорской конференции подчеркивает феодализацию обскоугорского общества в дорусский период. Для XV—XVI вв., быть может, правильнее было бы говорить не о «югорских княжествах» и их многочисленных «князьях»⁹², а о племенных объединениях периода военной демократии, которые русские источники обозначают как отдельные «княжества». Работа А. И. Мурзиной содержит немало спорных положений (например, о резкой обособленности хантов и манси в начале XIX в., о границах вогульских поселений к западу от Урала, о характере классового расслоения среди обских угров после их соприкосновения с русскими, о родовой и племенной структуре ненцев и др.)⁹³. Однако самая тема работы очень интересна, собранный же автором конкретный материал (в особенности архивный) помогает по новому осветить одну из наиболее «темных» страниц истории народов северо-западной Сибири — развитие их социального строя в XIX в.

Оценивая рецензируемый сборник в целом, необходимо констатировать, что его главное положительное научное значение — в конкретно-исторических и конкретно-лингвистических работах, особенно в статьях, посвященных отдельным финноугорским народам и их языкам. Слабые стороны сборника связаны преимущественно с теоретическими и обобщающими («установочными») статьями, которые нередко страдают социологическим схематизмом и абстрактностью, а в отдельных случаях и полным отрывом от реальной исторической действительности. Надо надеяться, что в дальнейших выпусках «Советского финноугроведения» эти крупные дефекты будут исправлены. Мы ждем от филологов-финноугроведов высоко принципиальных, боевых работ, которые не смогут разобратся с позиций советской науки в сложных вопросах происхождения и дальнейшего исторического развития финноугорских народов.

И. Н. Чебоксаров

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Проф. Я. Я. Рогинский, *Новые теории происхождения человека*. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории общества в Москве, 1948.

Лекция Я. Я. Рогинского представляет собой первый опыт изложения в популярной форме основных теоретических вопросов сложной проблемы антропогенеза. Существующая популярная литература по проблеме происхождения человека уделяет,

⁸⁶ В. И. Лыткин, *Происхождение древнепермской азбуки*, «Сов. финноугроведение», I, стр. 233—239.

⁸⁷ А. С. Сидоров, *Коми письменность эпохи раннего феодализма*, там же, стр. 240—249.

⁸⁸ Там же, стр. 249.

⁸⁹ См. например, у А. А. Спицына, *Древности Севера*, Тотма, 1926, стр. 17.

⁹⁰ См. выше, прим. 7.

⁹¹ Л.; 1936.

⁹² «Сов. финноугроведение», стр. 259.

⁹³ Там же, стр. 288—300.

как правило, основное внимание изложению фактического материала по сравнительной анатомии, эмбриологии, палеонтологии, доказывающего симиальную теорию происхождения человека, и лишь попутно затрагивает другие вопросы антропогенеза. Рецензируемая лекция заполняет этот пробел. Как оговорено в лекции, в ее задачу не входило рассмотрение процесса антропогенеза в целом; она ограничивается изложением некоторых новых теорий по проблеме происхождения человека в его древнейшей форме. Вопросам, связанным с последующими этапами человеческой эволюции, Я. Я. Рогинский посвятил отдельную лекцию, которая составит прямое продолжение рецензируемой.

Рассматриваемая лекция состоит из нескольких глав. В первой главе («Краткая история вопроса») автор излагает основные направления в разрешении проблемы антропогенеза и показывает, что правильное ее разрешение было дано лишь Марксом и Энгельсом в принципе разрыва постепенности развития животного мира. Вторая глава рассматривает «разногласия в вопросе о генеалогии человека». Автор аргументирует новыми данными симиальную теорию и подвергает резкой критике наиболее популярные в современной антропологии антисимиальные теории: так называемую теорию Вуд-Джонса, «теорию» о человеке как прамлекопитающем и др. Остро и убедительно звучат те строки, в которых говорится о кризисе теоретической мысли, наступившем в зарубежной науке. Говоря о разногласиях в среде сторонников симиальной теории, автор, как и в предыдущем разделе, опирается в основном на материалы советских ученых. Третья глава носит название «Гипотеза о «древесной стадии» в эволюции предков человека». Автор аргументирует эту гипотезу опять-таки в основном на материалах советских ученых (в том числе и неопубликованных) и в достаточно популярной форме вводит читателя в круг самых сложных и актуальных вопросов о датировке древесной стадии и связанных с ними вопросов о геологическом возрасте австралопитека и др. В главе, посвященной вопросу о прародине человека, автор оперирует новейшими данными и подробно (насколько это возможно в популярной лекции) излагает их.

Наиболее интересной и оригинальной является глава, посвященная факторам происхождения человека. В ней автор подвергает критике идеалистические теории «ористогенеза», «ортогенеза» и др. и, исходя из позиций диалектического материализма, выясняет те противоречия, которые лежали в основе процесса антропогенеза. «В ходе эволюции человека изменялись, — пишет автор, — не только анатомические особенности людей, менялась роль самих факторов эволюции. Отбор создавал формы, которые обладали способностью объединяться в производственные коллективы и тем самым уходило от власти отбора. Появилось существо, которое самым фактом своей общественной жизни и производства орудий труда как бы вступало в борьбу с биологической борьбой за существование. Необходимость переменить древесную жизнь и стать наземным животным поставила предка человека перед тяжелой задачей. Возникло противоречие между слабой природной вооруженностью этого высшего примата и грозными опасностями, которые подстерегали его на каждом шагу. Отсутствие в достаточном количестве растительной пищи заставило его перейти на полухищное питание. Но природа не наделила его зубами хищника. Названные противоречия в конечном итоге привели наших предков к изготовлению орудий из камня с острым режущим или рубящим краем, а также к использованию огня. Тем самым открывался новый, человеческий путь развития» (стр. 30). Эта глава, несмотря на свою краткость, имеет самостоятельное научное значение. К сожалению, из-за краткости изложения столь сложной проблемы популярность несколько пострадала.

Лекция Я. Я. Рогинского рассчитана на широкого читателя, знакомого, правда, по имеющимся книгам с фактическим материалом по данной теме. Но она будет интересна и для более узкого круга специалистов, в том числе и для историков первобытного общества.

М. Левин

Abram Kardiner, with the collaboration of Ralph Linton, Cora Du Bois, James West. *The Psychological Frontiers of Society*, New York, 1946, XXIV + 475.

Рецензируемая книга представляет собой яркий пример того, как, отвергая на словах немецкий расизм, американские этнографы на деле проповедуют тот же расизм, только в несколько измененной форме.

Автор — психолог по профессии — ставит себе целью выяснить «психологический профиль», или, если употреблять предложенный им и Линтоном специальный термин, «основную личность» трех обществ: североамериканских индейцев племени команчей, индонезийцев острова Алор и белых американцев города Плейнвилль (вымышленное название небольшого города, находящегося, примерно, в центре США). Он стремится показать, каким образом эта «основная личность», свойственная, как он утверждает,